

АЛ-ГАЗАЛИ
Мухаммад Абу Хамид

КИМИЙА-ЙИ СА‘АДАТ
(ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ)

کیمیای سعادت

Том 1:
‘Унваны 1–4. Рукн 1

*Перевод с персидского
А. А. Хисматулина*

Санкт-Петербург–Казань
2018

УДК 89=915.1/3«11»-96
ББК Ш5(0)952+Ю3(5Ирн)41

*Издание выходит при одобрении Совета Улемов
Духовного Управления Мусульман Республики Татарстан*

*Утверждено к печати Учёным советом
Института восточных рукописей РАН
(Азиатский музей)*

Ал-Газали, Мухаммад Абу Хамид

Г13 Кимийа-йи са'адат (Эликсир счастья). Том 1: Унваны 1–4.
Руkn 1. — Пер. с перс. и вступ. ст. А. А. Хисматулина. — СПб.;
Казань: Петербургское Востоковедение, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-85803-511-4

Достигнув высот славы и широкой известности и обретя ещё при жизни статус Довода ислама, виднейший мусульманский мыслитель имам Мухаммад ал-Газали (1058—1111) и поныне один из самых именитых авторов исламского мира.

Книга «Эликсир счастья» — одна из немногих работ, созданных автором на персидском языке. Это уникальный памятник средневековой мысли, отличающийся безукоризненной логикой и ясностью изложения с ориентацией на максимально широкую читательскую аудиторию. Поэтому интерес к ней не иссякает на протяжении вот уже более девяти столетий.

Настоящее издание представляет перевод всех четырёх томов книги и публикуется в таком виде впервые.

ISBN 978-5-85803-510-7
ISBN 978-5-85803-511-4 (Том 1)

9 785858 035114

© А. А. Хисматулин, перевод
на русский язык, 2018
© ИВР РАН, 2018
© Н. Д. Хуснутдинов, издание
на русском языке, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИМАМ МУХАММАД АЛ-ГАЗАЛИ

Прими совет от того, кто растратил на это [занятие] годы жизни и превзошёл в нём предшественников, классифицируя, устанавливая истину, споря и разъясняя. Затем Аллах внушил ему правильный путь, поведав ему об ущербности этого [занятия]. Тогда он бросил его и озаботился своей душой.

Так писал о себе человек, чьё имя на протяжении вот уже более девяти столетий известно без преувеличения во всех уголках мусульманского мира и чьи сочинения до сих пор актуальны. Взятые здесь в качестве эпиграфа его слова — о Божьем наитии (*илхам*). Оно изменило его жизнь настолько, что он оказался не в состоянии продолжать заниматься изучением расхождений в разных исламских школах, посчитав это напрасной тратой времени и обратившись к собственной душе.

Случается, человек живёт так, словно стремится за отпущенный ему небольшой срок прожить несколько жизней. Подобное впечатление складывается, когда видишь, насколько насыщен событиями его жизненный путь. Его события — это не просто взлёты и падения, отъезды и возвращения, личные переживания и размышления. У него внешний и внутренний личный опыт

воплощается в то, что остаётся на века и чем потом пользуются другие. Как правило, это судьба творческих, мыслящих и ищущих людей, которые не удовлетворены окружающим их миром и пытаются изменить либо его, либо себя, либо его через себя.

Именно к таким людям относится автор *Кимийа-йи са'адат* — имам Абу Хамид Мухаммад б. Мухаммад ал-Газали (1058—1111). Энциклопедическая эрудиция, способность выйти за рамки слепой веры и творческая активность имама, поражавшие современников ещё при его жизни, снискали ему славу и почётные титулы-*лакабы* Худжжат ал-ислам (Довод ислама), Зайн ад-дин (Украшение религии) и Шараф ал-а'имма (Честь имамов). По разным оценкам и по собственному утверждению, ал-Газали написал около 70 (т. е. много) произведений разного объёма и различной тематики, от небольших сочинений на одну заданную тему до монументальных многотомных трудов. Приблизительно такое же количество сочинений, а иногда и значительно больше, ему приписывается или является целенаправленными подделками. Ведь с ростом авторитета увеличивается вероятность использования его кем-то в корыстных целях.

На сегодня опубликовано огромное количество работ по творчеству ал-Газали в виде как отдельных исследований, так и исследовательских предисловий к изданиям его текстов. Их легко найти в сети на любом языке. Эти работы послужили формированию отдельной отрасли исламоведения — газалиеведения. Во многих из них приводятся ключевые факты его биографии, которые, разумеется, обрастают подробностями при более детальном описании.

Самыми надёжными источниками для воссоздания жизненного пути ал-Газали служат как арабоязычная автобиография имама — *ал-Мункиз мин ад-далал* («Избавитель от заблуждений») в сочетании с его персоязычными письмами, так и сочинения его современников и последователей. Во-первых, это *ас-Сийак ли-Тарих Нисабур* («Последовательность в “Истории Нишапура”») 'Абд ал-Гафира ал-Фариси (ум. 529/1134), практически ровесника ал-Газали и внука известного суфия Абу-л-Касима ал-Кушай-

ри (ум. 465/1072). Само сочинение — историческое, написанное по-арабски в качестве продолжения «Истории Нишапура». Но в нём есть небольшая глава, посвящённая биографии ал-Газали, с которым ‘Абд ал-Гафир не единожды встречался как в молодости, так и в зрелом возрасте. Оттуда сведения об ал-Газали стали кочевать по другим средневековым источникам, слегка дополняясь какими-то деталями. Во-вторых, это глава, посвящённая биографии ал-Газали в многотомной антологии шафиитских учёных *Табакат аш-шафи’ийя ал-кубра* («Категории великих шафиитов») Тадж ад-дина ас-Субки (ум. 771/1370). Помимо текста ‘Абд ал-Гафира автор привлёк большое количество других источников, многие из которых не дожили до наших дней.

На основе сведений, предлагаемых средневековыми биографами и самим ал-Газали, можно выделить ключевые вехи его земного пути. Точность их датировки до того, как ал-Газали стал Доводом ислама, колеблется в пределах 2—3 лет, поскольку написание средневековых биографий отличалось от современных, делающих упор на аккуратную хронологию в чередѣ событий.

450/1058 г. — Тус. Эта дата традиционно считается годом рождения имама. Правда, некоторые исследователи, сопоставив разные события из жизни ал-Газали, приводят 448/1056 г.

Ал-Газали родился в незнатной небогатой семье. Одни считают, что его родители занимались прядением и продажей шерсти, в связи с чем его *нисбу* относят к этому ремеслу и выписывают с удвоенным ‘з’ — ал-Газзал — ‘Прядильщик’. Другие связывают происхождение его нисбы с селением под названием Газала. Расхождение во мнениях относительно ремесленного или географического происхождения его нисбы существует чуть ли не со времени ал-Газали, подкрепляясь и обосновываясь с обеих сторон многочисленными свидетельствами из авторитетных средневековых источников. На сегодня в арабографичных изданиях принято писать ал-Газзали, в российских и западных — ал-Газали. Следует заметить, что на сохранившейся намогильной плите имама нисба выписана как ал-Газзали. Но датировку самой намогильной плиты

никто не проводил. Когда она была изготовлена — сразу после смерти ал-Газали или позже — неизвестно.

Местом рождения имама называют Табаран — один из двух крупных районов, на которые делились город и одноимённый округ Тус. Второй именовался Нукан. В деревне Санабад рядом с Нуканом был похоронен восьмой шиитский имам 'Али ар-Рида (ум. 203/818). Место его захоронения, именовавшееся *машхад* ('свидетельствующее место'), стало объектом паломничества, благодаря чему уже во времена ал-Газали Нукан стал постепенно превращаться в город Машхад — сегодня столица провинции Хурасан в Иране.

Около 461/1069 г. (или чуть позже) — Тус, Джурджан. Начало обучения фикху у 'Абд ал-Малика ар-Радакани, дяди по матери могущественного премьер-министра (*вазира*) Салджукидов Низам ал-мулка (уб. 485/1092), и близкое знакомство с его семьёй. Есть сведения, что после получения начального образования у ар-Радакани ал-Газали также обучался в Джурджане/Гургане у имама Абу Насра Исма'ила ал-Джурджани (ум. 477/1084) и в Тусе у Абу Бакра ан-Нассаджа ат-Туси (ум. 487/1094).

Около 468/1075 (или чуть позже) — **478/1085 гг.** — Нишапур. Продолжение образования в высшем государственном учебном заведении — Низамийа — у Абу-л-Ма'али ал-Джувайни (ум. 478/1085), известного по почётному титулу Имам ал-харамайн (Имам двух заповедных городов). Появление около 471/1078 г. первой работы ал-Газали, пока студенческой — *ал-Манхул мин та'лик ал-усул* («Просеянное из конспекта к основам [фикха]»). Где-то в этот же период ал-Газали обучается у Абу 'Али ал-Фармади ат-Туси (ум. 477/1084), суфийского шейха, который вошёл в цепь духовной преемственности сначала течения Хваджаган, а начиная с конца XIV в. — и братства Хваджаган-Накшбандийа на территории Бухарского оазиса. В *Кимийа-йи са'адат* ал-Газали ссылается на своё общение с ал-Фармади, употребляя по отношению к нему и его учителю

Абу-л-Касиму ал-Гургани (ум. 450/1058) термин *хваджаган* ('господа') и комментируя ту духовно-религиозную практику, которая спустя три века оформилась в виде известных принципов братства Хваджаган-Накшбандийа.

Около 478/1085 (или чуть раньше) — **484/1091** гг. — После смерти обоих наставников — ал-Джувайни и ал-Фармади — ал-Газали, по приглашению Низам ал-мулка, переезжает в лагерь султана Малик-шаха Салджуки (ум. 485/1092). Там он присоединяется к группе лучших богословских умов, которую Низам ал-мулк собрал для выработки или под предлогом выработки политики реанимации и защиты суннитского ислама от нападок исмаилитов. Преследуя эти же цели, вазир создал целую сеть религиозных высших заведений (*мадраса*), которые финансировались за счёт казны и которые в его честь повсюду были названы Низамийа. Проведённые в лагере Малик-шаха годы стали для ал-Газали хорошей школой, позволившей ему повысить своё формальное образование. Отстаивая свою точку зрения на многие вопросы богословия, он участвовал в еженедельных диспутах, организуемых Низам ал-мулком при султанском дворе. Там же он удостоивается двух почётных прозвищ — Зайн ад-дин (Украшение религии) и Шараф ал-а'имма (Честь имамов).

484/1091—488/1095 гг. — Багдад. Венцом профессиональной карьеры ал-Газали становится приглашение в Багдад для преподавания в центральной Низамийи, располагавшейся бок о бок с резиденцией багдадских халифов. Там он возглавляет факультет мусульманского права. Три года спустя после этого назначения ал-Газали удостоивается почётного прозвища Худжжат ал-ислам (Довод ислама) и участвует в церемонии приведения к присяге 28-го аббасидского халифа ал-Мустазхир би-Лаха, которому на тот момент было всего 16 лет.

Ещё до переезда в Багдад и за время преподавания там ал-Газали успевает проштудировать практически все труды, написанные до него по философии, богословию, юриспруденции, и приступает к изучению суфийских сочинений. Теорию здесь, по собственному

его признанию, он освоил легко. Однако затем ал-Газали сталкивается с самой, наверное, большой проблемой в жизни. Чтобы убедиться на практике в достоверности того, что до него говорили и писали о мистическом познании Бога, ал-Газали нужно было самому пройти путём суфиев, а следовательно, свести до минимума все мирские отношения, отказаться от почёта и славы, постов и должностей, начав вести совершенно иной образ жизни. Внутренняя борьба ал-Газали, вставшего перед проблемой выбора, продолжается около полугода и приводит его к нервному срыву и духовному кризису. В результате имам принимает решение покинуть Багдад. Он фактически сбегает оттуда под предлогом совершения паломничества, оставив своим заместителем в Низамийи младшего брата Ахмада. Это решение определяет его дальнейшую жизнь и духовную эволюцию.

Зу-л-ка'да 488/ноябрь 1095 г. — Странствия. Покинув Багдад, ал-Газали прежде всего отходит от светской жизни в современном представлении — официальных приёмов, наград, поручений и командировок, научных диспутов с оппонентами, преподавания за счёт казны в государственном учреждении и т. п. Тем самым он получает личную свободу от обязательств перед работодателем, возможность работать над собой и общаться только со своими единомышленниками. Они сопровождают его в ходе многолетних странствий по Сирии и Хиджазу, при посещении Иерусалима и Хеврона и при возвращении в родной Тус. Там он продолжает вести довольно уединённый образ жизни, общаясь только со своими учениками и изредка обращаясь к официальным властям с просьбой помочь кому-то из своих последователей и коллег. К первой половине этого периода относится появление *Ихйа' 'улум ад-дин* («Оживление религиозных наук») — монументального арабоязычного труда ал-Газали в четырёх томах, в котором он передал весь свой духовный опыт. А к концу периода появляется и *Кимийа-йи са'адат*.

Конец 499/лето 1106 г. — Нишапур. Из Туса его вновь приглашает на государственную службу Фахр ал-мулк, сын Низам

ал-мулка и покровитель ал-Газали. Фахр ал-мулк возглавил правительство при султানে Санджаре (ум. 552/1157), сыне отравленного Малик-шаха. Санджар правил восточными территориями империи Салджукидов со столицей в Марве. Приглашение Фахр ал-мулка было связано с преподаванием в Низамийи. По совету своих единомышленников, ал-Газали даёт согласие, переезжает из Туса в Нишапур и возглавляет преподавание в Низамийи.

Около 501-2/1108 г. — Тус. Отказ от дальнейшего преподавания в Низамийи и возвращение в Тус из-за убийства Фахр ал-мулка 10 мухаррама 500/10 сентября 1106 г. и усилившихся следом интриг по дискредитации ал-Газали его оппонентами при дворе султана Санджара.

503/1109 г. — Тус. Двукратный вызов в ставку Санджара — поселение Туруг, располагавшееся недалеко от Туса, для дачи объяснений. Вынужденное нарушение данного во время странствий обета — не общаться с правителями и султанами — и посещение ставки после повторного вызова. Речь на официальном приёме у Санджара и личная беседа с ним. Триумфальное возвращение в Тус. Появление подлинного текста *Насихат ал-мулк*.

504/1110 г. — Тус. Приглашение от Ахмада б. Низам ал-мулка (ум. 544/1149) начать преподавание в Низамийи Багдада. Ахмад б. Низам ал-мулк занимал пост премьер-министра (500/1106—504/1110) в администрации единокровного брата Санджара, султана Мухаммада-Тапара б. Малик-шаха (ум. 511/1118). Этот султан хотя и считался номинально правителем всей империи Салджукидов, но фактически правил до своей смерти лишь её западными территориями со столицей в Исфахане. Приглашение Ахмада б. Низам ал-мулка было вызвано тем, что в Багдаде скоростижно скончался имам Кийа Хараси Абу-л-Хасан 'Али б. Мухаммад ат-Табари, известный по почётному титулу 'Имад ад-дин (Подпора религии). Он был однокурсником ал-Газали по обучению у ал-Джувайни, автором ряда до сих пор известных книг и на тот момент ведущим преподавателем и ректором Низамийи. Ал-Газали утвердили на эту вакансию

без его ведома, согласовав утверждение во всех инстанциях, включая администрацию багдадского халифа. Но ал-Газали отказался принять приглашение, сославшись в ответном письме на ряд извиняющих его обстоятельств. Среди них он указал предчувствие скорой смерти.

505/1111 г. — Тус. Уход из жизни.

КИМИЙА-ЙИ СА'АДАТ

Обычно предисловия к изданиям сочинений ал-Газали содержат не только обзор его жизни, но и традиционное перечисление его трудов с попытками восстановления хронологии их написания. Это занятие хотя и увлекательное, но малоперспективное, если учесть, что при колоссальной работоспособности и отменной памяти имам мог писать по два-три сочинения одновременно, особенно если те были небольшого объёма. Здесь достаточно сказать, что ни одна книга не пишется просто так. Для её написания всегда есть какие-то побудительные причины, связанные либо с внешними обстоятельствами, либо с внутренней мотивацией автора. То же самое относится ко всем подлинным сочинениям Мухаммада ал-Газали.

Его творчество до сих пор представляет собой ценнейшее идейное наследие ислама и включает в себя многие известные произведения по философии, юриспруденции, логике, теологии и суфизму. Их можно разделить на две группы. Первая — то, что было написано им до духовного кризиса в 488/1095 г., условно, в Багдадский период. Вторая — то, что было написано им после духовного кризиса, сначала во время странствий, а затем в период уединения и ухода из общественной жизни в Тусе и Нишапуре до его смерти в 505/1111 г., условно, в Хурасанский период. Для сочинений ал-Газали это самый общий исторический контекст, который, разумеется, для каждого отдельного текста обростает своими подробностями и деталями, выявляющими побудительные причины его появления.

Книга *Кимийа-йи са'адат* была написана имамом в Хурасанский период после его возвращения из странствий в родной Тус, где-то между 1102—1106 гг. Она одна из немногих, созданных имамом на персидском языке на территории, где этот язык был государственным и он же постепенно становился языком науки. Кроме неё есть ещё две, принадлежность которых перу ал-Газали не вызывает никаких сомнений.

Во-первых, речь идёт о *Зад-и ахират* («Путевой припас для грядущей жизни») — пособия для не владевших арабским языком учеников, начинавших обучение у ал-Газали. Это пособие даёт довольно редкую возможность увидеть работу имама как переводчика и редактора собственного арабоязычного сочинения *Бидайат ал-хидайа* («Начало наставления на истинный путь»), которое было подготовлено им ранее в качестве руководства для студентов мадрасы. Взяв его за образец, имам тем не менее внёс заметные добавления и изменения в структуру и содержание *Зад-и ахират*, что стало основанием для появления нового заглавия.

Во-вторых, это подлинная часть *Насихат ал-мулук* («Совет владыкам»), адресованная салджукидскому султану Санджару. Она была написана после официального приёма у Санджара в 503/1109 г. и по его просьбе. Имам был вызван к Санджару в связи с интригами его оппонентов при дворе и отказом от дальнейшего преподавания в Низамийи Нишапура. После приёма у ал-Газали, по-видимому, состоялась личная беседа с Санджаром, в ходе которой имам процитировал аят из Корана: «*Разве ты не видел, как Аллах уподобляет прекрасную фразу прекрасному древу, чьи корни прочны и чьи ветви в небесах*» [14: 24]. Раскрытию смысла этого аята и посвящён подлинный текст *Насихат ал-мулук*, который фактически является официальным письмом с данным ему позже заглавием.

Помимо указанных сочинений есть также более 30 персоязычных писем ал-Газали, которые в целом охватывают приблизительно пятнадцать последних лет его жизни. Они адре-

сованы разным людям и были собраны кем-то из потомков имама в сборник под названием *Фаза'ил ал-анам мин раса'ил Худжжат ал-ислам* («Достоинства людей из посланий Довода ислама»).

Все остальные персидские тексты, которые приписываются ал-Газали, это несомненные подделки. В их число входит трактат *Эй, фарзанд* («О, дитя»). Он был довольно поздно переведён на арабский язык, стал популярен под названием *Аййуха ал-валлад* и до сих пор издаётся под авторством имама. Трактат был скомпилирован на персидском языке одно-два поколения спустя после смерти ал-Газали. Источниками для компиляции послужили два собственных письма имама к разным адресатам, одно письмо Ахмада ал-Газали (ум. 520/1126), его младшего брата, к своему ученику 'Айн ал-Кудату ал-Хамадани (казнён 525/1131), и письма самого 'Айн ал-Кудата.

К подделкам относится также *Панд-нама* («Письмо с советами»). Этот текст был составлен довольно поздно из многочисленных фрагментов (более половины от всего объёма), взятых из сочинений ал-Газали, в основном из *Кимийа-йи са'адат*, затем озаглавлен неизвестным нам редактором (или переписчиком) и приписан ал-Газали.

Есть ещё одна популярная подделка — «вторая часть» *Насихат ал-мулук*. Она представляет собой компиляцию неизвестного автора, которая изначально была написана по-персидски и присоединена к подлинному тексту *Насихат ал-мулук* уже во второй половине VI/XII в. В связи с ней остаётся открытым только один вопрос: произошло ли это присоединение случайно или преднамеренно.

В отличие от перечисленных подделок, *Кимийа-йи са'адат* — это достоверно подлинное сочинение имама ал-Газали. В истории ислама и суфизма хронологически оно стоит четвёртым в ряду первых системообразующих трудов по суфизму, написанных на персидском языке в разных жанрах религиозными авторитетами мусульманского мира. Первые три:

Шарх ат-Та'арруф ли-мазхаб ахл ат-тасаввуф («Комментарий на “Знакомство с мазхабом суфиев”») Исма'ила ал-Мустамли ал-Бухари (ум. 434/1043) — в жанре комментария на арабское сочинение Абу Бакра ал-Калабади (ум. между 380/990 и 385/995);

Кашиф ал-махджуб ли-арбаб ал-кулуб («Открытие скрытого за завесой у воспитателей сердец») Абу-л-Хасана ал-Худжвири (ум. 465/1072);

Табакат ас-суфийа («Разряды суфиев») — антология ханбалитского суфия 'Абд Аллаха Ансари (ум. 481/1089), дополняющая одноимённую арабоязычную антологию шафиитского суфия Абу 'Абд ар-Рахмана ас-Сулами (ум. 412/1021), которая, собственно, и вдохновила Ансари на создание этого труда.

Однако, судя по статистическим данным из мировых рукописных хранилищ, *Кимийа-йи са'адат* значительно превосходит перечисленные сочинения по своей популярности. В любой более или менее крупной рукописной коллекции найдётся как минимум 3—4 списка этого сочинения. Даты переписки, приведённые для рукописей *Кимийа* и сведённые вместе из разных коллекций, указывают на постоянный вековой спрос на неё, начиная с XII в., не говоря уже о многочисленных литографированных изданиях, появившихся в XIX в. Иными словами, это сочинение уверенно прошло проверку временем вплоть до наших дней.

Из-за отсутствия полноценного перевода *Кимийа-йи са'адат* на какой-либо из европейских языков это сочинение до недавнего времени считали сокращённым авторским переложением на персидский язык *Ихйа' 'улум ад-дин* — четырёхтомной арабоязычной книги ал-Газали. Переводы на европейские языки сокращённых версий *Кимийа* с арабского и урду только усугубляли ситуацию. Хотя при сопоставлении оригиналов двух книг разница между ними отчётливо видна не только при чтении авторских предисловий к ним. Она хорошо прослеживается и дальше при сравнении их содержания и структуры.

В отличие, скажем, от опубликованных писем ал-Газали, где отсутствие авторских предисловий восполнено краткими аннотациями средневековых издателей, взявших тексты имама из его личной переписки, здесь автор сам готовил текст книги к «публикации», т. е., в те времена, — к последующему копированию для широкого читателя. Поэтому его обширное и полностью изменённое по сравнению с *Ихйа'* предисловие после *хутбы* отвечает на все традиционные вопросы: кем является автор, почему он решил что-то написать, о чём именно и как он решил написать. При этом для ал-Газали характерны следующие отступления от принятого шаблона, или, скорее, — авторские приёмы.

Во-первых, его стиль отличает, как правило, очень обстоятельное обоснование при ответе на вопрос, почему он собрался что-то написать.

Во-вторых, в предисловиях к своим произведениям, будучи уже именитым учёным и автором многочисленных сочинений, он не называет себя по имени, как это было уже принято в научно-религиозной литературе его времени, а даже в отдельных письмах ссылается на свои предыдущие всем известные книги. Тем самым он даёт хотя и косвенный, но отнюдь не двусмысленный ответ на вопрос об авторе книги. Такое отступление от шаблона заставляло средневековых переписчиков иной раз делать перед авторским текстом приписку: «Так говорит Довод ислама имам ал-Газали».

В-третьих, он всегда подчёркивает, какому читателю адресована его конкретная книга, т. е. какова её целевая аудитория. Именно от неё зависит сложность или простота изложения, насыщенность текста арабскими цитатами или, наоборот, переводами этих цитат, иногда без прямых ссылок, а также образными примерами, иллюстрирующими выводы автора. Интересно, что современные представления о целевой аудитории ничем не отличаются от представления о ней у ал-Газали. Это подтверждается не только содержанием и стилем изложения, но и речевыми оборотами, которые он использует в своих предисловиях, такими как: «Цель книги...»

Имама нередко упрекали за то, что в своих сочинениях, например, ориентированных на целевую философскую аудиторию, он говорит и пишет как философ, а полемизируя с богословами, делает это как богослов, и т. д. Думается, что такой подход как раз свидетельствует о редкой способности автора вести диалог со своим читателем на одном языке, говорить с ним в его системе координат, учитывая степень его понимания. Имея огромный опыт преподавания и общения с людьми разной образованности и ментальности, этим подходом и руководствовался ал-Газали, часто цитируя известный хадис: «Говорите людям по мере их разумения». Например, в одном из своих писем, которые недавно были опубликованы в русском переводе¹, он подчёркивает:

Письмо 4

Смысл не в том, чтобы говорить им то, что противоречит правде. Но смысл в том, чтобы говорить им то, что они смогут понять и к пониманию чего будут способны, вообще не говоря о том, к пониманию чего они не способны, и предостерегая, мол, не твоё это дело.

Таким образом, именно целевая аудитория определяла, каким ал-Газали видел содержание книги, насколько простым или сложным языком он пользовался и к какой иллюстративно-доказательной базе прибегал. Во всём этом *Ихйа' 'улум ад-дин* и *Кимийа-йи са'адат* очень существенно отличаются друг от друга.

Целевая аудитория

Обосновывая появление *Кимийа-йи са'адат*, ал-Газали говорит о совершенно ином читателе по сравнению с тем, на кого было рассчитано его арабоязычное сочинение *Ихйа' 'улум ад-дин*, известное всему мусульманскому миру. Целевая аудитория *Ихйа'* — это учёные с большим опытом, коллеги и оппоненты

¹ Хисматулин А. *Сочинения имама ал-Газали* (СПб.: Петербургское Востоковедение; М.: Садра, 2017). Серия: Назидательная литература эпохи Салджукидов на персидском языке: Оригиналы и подделки.

ал-Газали. В отличие от них читатель *Кимийа* знает арабский, похоже, лишь в очень скромных пределах и, без сомнения, не принадлежит к научным кругам.

Ведь цель нашей книги — обыватели (*'авамм-и халк*), которые попросили осмысления по-персидски. И речь не может выйти за границу их понимания (см. ниже).

Значение слова *'авамм*, переведённого здесь как 'обыватели', и его однокоренного синонима *'амми* в текстах иных авторов может по-русски передавать значения 'простолюдины', 'простецы', 'рядовые, обычные граждане', 'простонародье' и т. п., кого в советские времена было принято обезличенно именовать 'трудящимися массами'. Противопоставление обывателей избранным и элите (*хавасс*) в средневековом исламе не раз анализировалось в отечественной и зарубежной литературе. Предлагавшийся анализ, основанный на сведениях мусульманских авторов, рассматривал это противопоставление преимущественно с социальной точки зрения и подчёркивал подвижность его границ в зависимости от позиции того или иного автора, который едва ли причислял себя к обывателям, простолюдинам и трудящимся массам.

Такое же и всем понятное противопоставление использует и ал-Газали. Но он делает это, вводя его в другую систему координат — в контекст рассуждений о степени религиозности и веры, добавляя при этом третью категорию — 'избранные из избранных', или 'элита элиты' (*хасс ал-хавасс* или *хасс ал-хасс*). Для каждой из этих групп он приводит вполне конкретные критерии оценки. Таким образом, в его понимании мы получаем 'религиозных обывателей', 'религиозную элиту' и 'элиту из религиозной элиты'. Однако имам подчёркивает, что это относительное противопоставление — в том соотношении, в каком 'религиозные обыватели' противопоставляются 'религиозной элите', сама 'религиозная элита' превращается в 'обывателей' по отношению к 'элите элит', исходя из своей степени единобожия и познания Бога.

Ниже дан ряд примеров, взятых из опубликованных писем ал-Газали. В них слова *‘авамм-‘амми* намеренно оставлены без перевода, чтобы почувствовать, какой смысл вкладывает в них сам имам.

П и с ь м о 5

Люди делятся на три группы. Одна — *‘авамм*, которые довольствуются слепым подражанием, не зная, как действовать произвольно, но обучаясь у других. Хотя этот уровень не столь высок, всё же такие люди спасутся...

П и с ь м о 4

Что скажет Верховный имам, Довод ислама, в ответ тем, кто возражает против некоторых содержащихся в книгах *Мишкат* и *Кимийа* высказываний? Наподобие такого: «*Нет бога кроме Аллаха* — это единобожие ал-*‘авамм*. А *Нет его кроме Него* — это единобожие избранных (ал-*хавасс*)» <...>

Этому бережливому человеку невдомёк, что возражение, которое возникнет у *‘амми*, вероятно, уже возникло и у учёного. Стало быть, в этих высказываниях есть свои глубокие мысли, которые ведомы учёному, но неведомы *‘амми*. Все факихи, литературоведы, толкователи Корана, хадисоведы и занимающиеся разнообразными науками — это *‘амми* в рационалистических науках. Таково же большинство богословов-схоластов, которые, изучив по верхам что-то из схоластического богословия, не познали его глубины и не добрались до его истины <...>

Рассказ в Коране про Мусу и Хизра, мир им обоим, — указание на эту тонкость: если кто-нибудь из *‘авамм* продырявит лодку сирот, то уместно ему воспрепятствовать, но когда так поступит совершенный учёный, препятствовать ему не следует <...>

Это большее не поймёт и не постигнет никто кроме избранных (*хавасс*). Оно не для разума *‘авамм*. А вот что значит *Нет бога кроме Аллаха*, могут понять все *‘авамм* <...>

Все люди-*‘авамм* также достигли этой степени, более того, в ней с ними солидарны иудеи и христиане <...>

Поэтому тот человек превратился в 'амми по отношению к этому избранному из избранных (*хасс ал-хасс*) точно так же, как обладатели тех других степеней были 'амми по отношению к тому человеку.

П и с ь м о 13

Итак, люди разделились на три части в зависимости от того, что они создали своим ориентиром: одна — 'авамм, беспечные люди; другая — избранные, прозорливые люди; третья — избранные из избранных, люди внутреннего видения <...>

Как первая категория была 'авамм по отношению ко второй, так и вторая категория была 'авамм по отношению к третьей, хотя так и не поняла их высказываний и не узнала среди них тех, о ком сказано: «У того, кто взглянул на лик Всевышнего Аллаха, поистине, преобразился его собственный лик», хотя и говоря об этом...

Приведённые авторские определения чётко указывают на целевую аудиторию *Кимийа-йи са'адат*. Это мусульмане-миряне. Именно для них, ещё не погружённых в изучение религиозных тонкостей и пока занятых повседневными мирскими занятиями, ал-Газали написал простую и понятную книгу на персидском языке. В современном представлении она, наверное, могла бы быть причислена к жанру научно-популярной литературы.

Структура и содержание

Взяв любое подлинное сочинение ал-Газали вне зависимости от периода его написания, можно увидеть основы его построения — иллюстративно-доказательную базу и авторские выводы. Иллюстративно-доказательная база, или фактура, при анализе любого вопроса состоит из набора: а) коранических цитат (если есть); б) хадисов от Пророка (и доисламских пророков), сподвижников и последователей; в) высказываний суфийских авторитетов; г) примеров из повседневной жизни. По грубым подсчётам, такая фактура, для каждого произведения подобранная имамом из цитат, взятых из работ предшественников, занимает

в среднем $2/3$ от общего текста. На оригинальные выводы ал-Газали, которые могут располагаться как до, так и после иллюстративно-доказательной базы, приходится оставшаяся $1/3$ или того меньше, что вполне соответствует соотношению синтеза фактов и их анализа, характерному и для современных аналитических научных работ.

При этом иллюстративно-доказательная база у каждого мусульманского автора своя, во многом оригинальная и зависящая от конкретных задач и адресата. Из коранических аятов и огромного количества высказываний и примеров автором подбираются те, которые соответствуют его точке зрения на обсуждаемый вопрос, его духовному развитию и свету его разума. Понятно, что в первую очередь автором будут учитываться результаты работ предшественников, принадлежащих к его собственной религиозно-правовой школе-*мазхабу*, а уже потом, если понадобится, все остальные. Доверия к своим всегда больше, чем доверия к чужим.

Иллюстративно-доказательная база конкретного автора может сокращаться или расширяться за счёт привлечения новых источников. Но она не может меняться по своей сути от сочинения к сочинению, конечно, если автор не сменил принадлежность к религиозной школе. Иными словами, мусульманский учёный для обоснования своей точки зрения вряд ли станет привлекать источники по зороастрийской, или христианской, или иудейской традиции в объёме, превосходящем объём привлечённых мусульманских источников. А, допустим, шиитский учёный едва ли станет использовать в большом объёме суннитские сборники хадисов, если только не соберётся писать в жанре критики и опровержения. Такой подход может служить одним из критериев для установления подлинности сочинений того или иного автора.

Всё то же самое относится и к сочинению *Кимийа-йи са'адат*. Его структура внешне похожа на структуру *Ихйа' 'улум ад-дин*, а содержание основано на той же иллюстративно-доказательной базе. Оно лишь упрощено с учётом иной целевой ау-

дитории. Но это упрощение шло по нескольким направлениям, что в результате привело к появлению нового текста и заглавия на другом языке.

1. Переименование глав и подзаголовков. Если в *Ихйа'* 'улум ад-дин наибольшая единица деления текста названа 'четвертью' (*руб'*), то в *Кимийа* — 'столпом' (*рукн*). Если каждая четверть в *Ихйа'* делится на десять 'книг' (*китаб*), то в *Кимийа* каждый столп содержит десять 'основ' (*асл*). То же самое касается названий и ряда более мелких подзаголовков.

2. Сокращение. Приблизительный подсчёт знаков в одноимённых четвертях *Ихйа'* и столпах *Кимийа* даёт следующие соотношения: для первой четверти — 1,0:5,6, для второй — 1,0:2,9, для третьей — 1,0:3,2, для четвёртой — 1,0:3,8. Таким образом, по сравнению с четвертями *Ихйа'* содержание столпов *Кимийа* сокращено в среднем в 3,9 раза. Сокращение в основном коснулось иллюстративно-доказательной базы, а также разъяснений деталей и подробностей каких-то вопросов. На случай появления у читателя желания получить больше информации имам даёт отсылки к своим ранее написанным сочинениям, указывая их названия.

3. Реорганизация материала. С учётом неискушённой целевой аудитории ал-Газали не мог просто механически урезать содержание глав *Ихйа'*. Очень часто текст нуждался в перекомпоновке и переработке. Наглядный пример — появление в *Кимийа* четырёх показателей ('*унван*) веры, начинающих книгу. В *Ихйа'* их нет, но материал для них взят из разных частей *Ихйа'*. Отобранный для '*унванов* текст — это, как правило, сочетание цитат из Корана с образными рассказами и примерами из повседневной жизни, которые эмоционально окрашены и поэтому сильнее воздействуют на читателя. Помимо '*унванов* в *Кимийа* есть и другие места, где по сравнению с *Ихйа'* текст подвергся существенной переработке.

4. Введение нового материала. Иногда в *Кимийа* появляется текст, в *Ихйа'* вообще отсутствующий. Это отнюдь не значит, что кто-то помимо ал-Газали что-то дописал, преследуя свои цели,

а говорит лишь о том, что имам посчитал нужным ввести дополнительный материал в связи с иной читательской аудиторией.

Например, десятая глава второго столпа *Кимийа* — «Об обладании подданными и управлении» — не имеет аналогов в *Ихйа'*. За несколько лет до появления *Кимийа* тот же самый материал был использован имамом в сравнительно небольшом арабоязычном сочинении, адресованном аббасидскому халифу-тинейджеру ал-Мустазхир би-Лаху — *Фада'их ал-батинийа ва-фада'ил ал-мустазхирийа* («Бесчестья батинитов и достоинства мустазхиритов»), у которого ещё есть и второе, сокращённое название — *ал-Мустазхири*. Ал-Газали написал это сочинение в Багдадский период перед своим духовным кризисом, начавшимся за полгода до побега из Багдада (зу-л-ка'да 488/ноябрь 1095).

Завершающая, десятая глава из *Фада'их* после незначительного сокращения иллюстративно-доказательной базы (с 84 до 64 хадисов), небольшой реорганизации и перевода на персидский легла спустя годы в основу десятой главы второго столпа *Кимийа*. Позднее она уже из *Кимийа* опять в слегка переформатированном виде перекочевала в центральную часть *Насихат ал-мулук* для султана Санджара. И ни в *Фада'их*, ни в *Кимийа*, ни в подлинном тексте *Насихат ал-мулук* к иллюстративно-доказательной базе не было добавлено ничего принципиально нового на основе каких-то иных, немусульманских источников. Иными словами, фактически то же самое, что ал-Газали до начала своего духовного кризиса советовал по поводу управления халифу-тинейджеру в 1094 г., он и после его завершения советовал также читателю *Кимийа* в период между 1102 и 1106 гг., а затем и молодому Санджару в 1109 г. — обычный и для наших дней методический подход, когда преподаватель вуза может читать свой спецкурс десятилетиями даже без малейших изменений для вновь поступающих студентов, которым его спецкурс всегда будет в новинку. Поэтому безосновательно говорить о том, что взгляды ал-Газали на государственное управление в докризисный Багдадский период были *кадим* ('старыми'), а в пост-

кризисный Хурасанский период стали *джадид* ('новыми'). Это не подтверждается ничем. Очень часто подлинность многих текстов, которые приписываются ал-Газали или вообще являются откровенными подделками, обосновывается лишь посткризисным пересмотром взглядов имама без приведения более весомых аргументов.

Фасл

Здесь уместно вкратце остановиться на подзаголовке под названием *фасл*, который встречается по всему тексту *Кимийа*. В современных переводах арабо-персидских сочинений это слово понимается и переводится как 'раздел', реже 'глава', что в общем верно. Однако для средневековых текстов, созданных религиозными учёными, в частности в эпоху Салджукидов, надо иметь в виду и второе, терминологическое значение этого слова — 'суждение', или 'решение', или 'вердикт'. В таком значении фасл использовался не только в канцелярском стиле при официальной переписке и составлении юридических документов, но и в терминологии правоведов-факихов того времени. В их среде фасл обладал уровнем, по-видимому, чуть ниже уровня официального юридического заключения — *фатвы*. Очевидно, фасл был личным мнением правоведа по вопросу, когда юридическое заключение просто не могло быть вынесено, скажем, применительно к каким-то проблемам религиозной и человеческой нравственности. Именно поэтому фасл сочетался тогда с персидским глаголом *гуфтан* ('говорить', 'высказывать').

Письмо 2

Обычай мусульманских учёных, когда они прибывают к Маджлису Малика ислама, заключается в том, чтобы высказать суждение (*фасл*), состоящее из четырёх вещей: мольбы, восхваления, совета и устранения нужд.

Такие фаслы встречаются во всех текстах ал-Газали, включая *Кимийа-йи са'адат*, где они представляют собой относительно

но краткие суждения по отдельным вопросам. Сами вопросы, по примеру официального юридического заключения-*фатвы*, очень часто приводятся в начале фасла. Поэтому, с учётом терминологического значения, слово фасл оставлено в тексте *Кимийа* без перевода.

Использование хадисов

Целевая аудитория *Кимийа* определила также манеру использования хадисов. По подсчётам средневековых шафиитских учёных, для построения иллюстративно-доказательной базы ал-Газали процитировал в *Ихйа'* около 4250 пророческих хадисов, не считая высказываний религиозных и суфийских авторитетов и без учёта скрытого цитирования. Ал-Газали не только значительно сокращает количество хадисов в *Кимийа*, но и приводит в арабском оригинале только самые короткие из них, да и те крайне редко — как правило, в начале глав. В основном имам даёт их смысловой перевод, иной раз объединяя несколько разных высказываний в одно, и уж конечно без цитирования всей цепи имён передатчиков (*иснад*) текста хадиса (*матн*). Прибегнув к такому подходу, имам стал одним из первых авторитетных мусульманских авторов (если вообще не первым), кто начал практиковать перевод хадисов на персидский язык.

Практика сведения в единую цитату нескольких высказываний одного человека, зафиксированных в разное время и даже по разным поводам, была уже распространена во времена ал-Газали на методологической основе, не являясь чем-то новым или предосудительным. Тот же приём использовался учёными в их аргументации при последовательном цитировании аятов Корана, взятых из разных сур, которые ниспосылались по разным поводам, изложенным в толкованиях (*тафсирах*) к Корану. Иными словами, кораническая цитата или пророческий хадис начинали самостоятельную жизнь вне зависимости от контекста, вызвавшего их появление. Поэтому при совпадении темы высказывания

(хадисы), принадлежавшие одному человеку, могли объединяться и выступать в виде единой цитаты. Хотя очевидно, что такой практикой старались не злоупотреблять, разделяя высказывания формальным выражением «Ещё он сказал/говорит».

Более того, учитывая статус целевой аудитории и, по-видимому, стремясь избежать перегруженности *Кимийа* хадисами, ал-Газали иной раз перефразирует их, вообще не указывая, что в основе лежит хадис или предание. В современном представлении игнорирование авторских прав приводит формально если не к плагиату, то к так называемому скрытому цитированию. Но, по сути, любое слово имама-муджтахида выверено и основано на Коране и хадисах. Поэтому читатель должен был безоговорочно верить ал-Газали вне зависимости от того, говорил ли он что-то от себя или цитировал, не ссылаясь прямо на более авторитетные источники, за исключением Корана, разумеется. Тем не менее заметить скрытый хадис при традиционном отсутствии знаков какой-либо пунктуации и выделения, используемых сегодня в переводах, можно порой лишь по внезапной смене подлежащего и местоимения.

Такое обращение с хадисами выглядело, наверное, кощунственным с точки зрения узкопрофильного хадисоведа (*мухаддис*) — без цепи имён передатчиков, без изводов и версий самого высказывания, без причисления хадиса к определённой категории и т. п. Но ал-Газали никогда не был профессиональным мухаддисом — за ним не числится ни одного сборника хадисов. Да он и не претендовал на эту роль. Для него, имама-муджтахида, хадис — это не самоцель, а лишь инструмент в аргументации, выстраиваемой на основе логики и аналогии. А для этого важен только смысл хадиса, который при переводе на другой язык можно передать разными языковыми способами.

Тем не менее за своё «вольное обращение» с хадисами ал-Газали до сих пор нередко подвергается критике со стороны его оппонентов. В основном ему вменяют в вину опору на слабые и отвергаемые хадисы. Но при этом критики не учитывают, что и им

самим можно предъявить те же самые упрёки, если они будут принадлежать к другому мазхабу и будут опираться на другие сборники хадисов, составленные другими авторитетными собирателями преданий. Если ставится задача понять автора и его логику в его достоверно подлинных текстах, то имеет значение только убеждённость самого автора в надёжности своих источников. Этого вполне достаточно, что подтверждается в *Кимийа* и самим ал-Газали:

Грешником является любой, совершающий что-либо вопреки собственному *иджтихаду* или вопреки *иджтихаду* основателя своего мазхаба (см. т. 2).

Некоторые современные исследователи в своих рассуждениях не считают зазорным предполагать, что после бегства из Багдада, странствий и возвращения в родной хурасанский Тус ал-Газали принялся чуть ли не намеренно исказить хадисы в персидском переводе в угоду каким-то своим корыстным целям и на потребу салджукидским султанам. Однако, как показывает перевод хадисов в авторстве самого ал-Газали, это не искажения, а замены, сделанные на основе одного из краеугольных принципов мусульманской юриспруденции — суждения по аналогии (*ал-кийас*). Например, слово ‘султан’, не употреблявшееся во времена Пророка в современном значении, могло совершенно спокойно заменять в пророческих хадисах и имама, и правителя-*вали* — по аналогии в функции управления большим количеством людей. Живи ал-Газали сейчас, вместо ‘султана’ наверняка был бы ‘президент’. Применяемый до сих пор во всех сферах ислама, этот принцип очевидно распространялся и на хадисы. Иными словами, такие замены допускались и не считались намеренным искажением или подделкой хадисов, тем более при их переводе на иностранный (персидский) язык. Поэтому лишь из-за эквивалентных замен, сделанных ал-Газали в хадисах на основе *ал-кийаса*, крайне легкомысленно подозревать его в том, что в посткризисный Хурасанский период он поменял

свои старые политические взгляды на новые в угоду личному благополучию.

Иная целевая аудитория также подвигла имама кое-где сократить и частично видоизменить арабские мольбы и призывы (*ду'а*), приведённые им ранее для аналогичных контекстов в арабоязычных *Ихйа'* и *Бидайат ал-хидайа*. В *Кимийа*, написанной после *Ихйа'* и *Бидайат*, автором рекомендовано пользоваться призывами-мольбами, приведёнными в *Бидайат*:

Многие из них мы собрали в книге *Ихйа'-йи 'улум*, а некоторые из лучших призывов-мольб мы уже привели в книге *Бидайат ал-хидайат*. Если кто пожелает, может запомнить их оттуда, так как их долго переписывать в данной книге (см. ниже).

Поскольку *Кимийа* написана уже после *Ихйа'* и *Бидайат*, то при наличии расхождений в текстах одного автора самыми верными должны считаться, по-видимому, последние версии призывов. Как бы там ни было, несомненно одно — человек, считающий себя вправе и способный сокращать мольбы и призывы, знает их основную функцию — настройки канала общения молящего с Богом и знает, как сделать так, чтобы при сокращении и изменении они не утратили эту функцию.

Резюме. Учитывая всё сказанное, можно уверенно говорить о том, что, несмотря на формальное структурное сходство, *Кимийа-йи са'адат* существенно отличается от своего арабского прототипа под названием *Ихйа' 'улум ад-дин*, являясь самостоятельным сочинением, которое по сравнению с *Ихйа'* ориентировано на другую читательскую аудиторию.

Об этом издании

Первые два тома перевода *Кимийа-йи са'адат* вышли из печати в 2002 и 2007 гг., соответственно. Затем в 2011 г. московское издательство Ихлас контрафактно издало первый том ещё раз, сократив по своему усмотрению всё, что посчитало нуж-

ным, и внеся в текст перевода неавторизованные изменения, которые показались издателям целесообразными.

В данном издании первые два тома были заново пересмотрены, отредактированы и адаптированы для более широкой читательской аудитории в связи с тем, что для этого возникло веское основание — здесь впервые публикуется перевод всех четырёх томов (*рукнов*) *Кимийа-йи са'адат*. Третий и четвёртый тома издаются в переводе И. Р. Гибадуллина (ИИ АН РТ). Адаптация первых двух томов в первую очередь коснулась количества примечаний, которые были сокращены до необходимого минимума, и ссылок на арабский текст *Ихйа' улум ад-дин*, первые десять из сорока книг которого за прошедшее время также вышли в трёх частях в русском переводе Ильшата Насырова (ИФ РАН).

Перевод выполнен на основе текста, подготовленного в своё время Хусайном Хадивджемом (ум. 1365/1986) — историком, текстологом и исследователем творчества ал-Газали. Помимо *Кимийа Х. Хадивджем* издал средневековый персидский перевод *Ихйа' улум ад-дин*, а также ряд других источников. Пока его издание *Кимийа-йи са'адат* считается самым надёжным. После первой публикации в двух томах в 1361/1982 г. (первый том вышел отдельно ещё раньше) оно неоднократно переиздавалось без существенных изменений и есть в свободном доступе в сети. Хотя сегодня среди иранских учёных уже активно обсуждаются перспективы нового издания, которое учитывало бы все самые старые списки *Кимийа* и разночтения между ними, отсутствующие в издании Х. Хадивджама.

Разночтения порой бывают весьма существенными и зависят от вмешательства и пропусков средневековых переписчиков. Некоторые из них работали по аналогии с современными копировальными машинами. Другие брали на себя уже функции редакторов, используя современные им синонимы вместо устаревших слов в оригинале, добавляя свои пояснения и т. п. Одним из показателей такого вмешательства может служить, например, изменение посмертных эвлогий для пророков. Приблизитель-

но со второй половины XIII в. эти евлогии для ветхозаветных пророков и для Пророка Мухаммада становятся в письменных источниках дифференцированными. Скажем, в ранних рукописях *Кимийа*, которые были привлечены к переводу первых двух томов, посмертная евлогия для Пророка Мухаммада воспроизведена так, как она была написана ал-Газали, — «мир ему». В других она заменена на «да благословит его Аллах и приветствует», т. е. записана так, как её стали применять лишь с XIII в. Но нигде в рукописях нет сокращения этих евлогий до принятых ныне аббревиатур, как это сделано в тексте под редакцией Х. Хадивджама. Аббревиатуры введены издателем и для полных формул евлогий после упоминания имён сподвижников и последователей Пророка. Эти евлогии тоже отличались друг от друга. Не зная тех или иных упомянутых в тексте лиц, средневековый читатель мог лишь по одним формулам евлогий определить, к какой категории они принадлежали, — категории сподвижников, последователей или иных великих людей прошлого. А это для многих читателей становилось критерием оценки высказывания. Иными словами, в скором будущем можно ожидать появления более надёжного критического издания *Кимийа-йи са'адат*, которое даст максимальное приближение к первоначальному тексту ал-Газали и в дальнейшем приведёт к переизданиям существующих переводов на иностранные языки.

Пока же речь идёт о первом издании полного русского перевода *Кимийа*. При оформлении этого издания были использованы максимально простые правила. Курсивом в основном тексте выделены все арабские изречения, мольбы и молитвы, восточные слова и термины в скобках, а также стихи и коранические цитаты. Как курсив привлекает внимание при чтении русского перевода, точно так же бросаются в глаза и арабские включения в персидский текст. Ссылки на Коран везде даны в квадратных скобках сразу после закурсивленной цитаты из него и без дополнительного указания. Примечания по упомянутым в тексте лицам, топонимам и отдельным терминам приведены в постраничных сносках

в максимально лаконичной форме, которая при желании может быть расширена самим читателем с помощью сетевых ресурсов.

При чтении подлинных текстов ал-Газали и желании что-то уточнить (даже если это касается каких-то формальных мелочей, вроде меры веса или расстояния) следует руководствоваться единственно верным принципом — комментировать и объяснять ал-Газали *только* с помощью самого ал-Газали. Применительно к *Кимийа-йи са‘адат* это означает, что надо следовать его совету, который он даёт не раз и не два на протяжении всего текста, — обращаться к подлинным сочинениям, написанным им ранее, прежде всего к *Ихйа’ улум ад-дин*. Это не только позволит приблизиться к пониманию смыслов, вложенных автором в термины и понятия, определения которым он всегда приводит, но и убережёт от ошибок и домыслов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Имам Мухаммад ал-Газали	3
Кимийа-йи са‘адат	10
Целевая аудитория	15
Структура и содержание	18
Фасл	22
Использование хадисов	23
Об этом издании	26

КИМИЙА-ЙИ СА‘АДАТ (ЭЛИКСИР СЧАСТЬЯ)

Вводная часть	33
Фасл	35
Содержание книги	37
‘Унван первый. О самопознании	41
‘Унван второй. О познании Всевышнего	77
‘Унван третий. О мистическом познании этого мира	103
‘Унван четвёртый. О мистическом познании того мира	115

СТОЛП ПЕРВЫЙ. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ

Основа первая. О вероубеждениях суннитов	157
Выявление вероубеждений	158
Очищение	159
Власть	160
Знание	160
Волеизъявление	160
Слух и зрение	161
Слово	161
Деяния	162
Тот мир	163
[Путь]	163
Пророчество	164

Основа вторая. О поиске знания	165
Основа третья. О ритуальном очищении	175
Часть первая: очищение от скверны	182
Часть вторая: очищение от возникающего осквернения.	184
Этикет отправления нужды	184
Способ <i>вузу'</i>	187
Способ <i>гусл</i>	191
Способ <i>тайаммум</i>	192
Часть третья: очищение от излишков.	193
Основа четвёртая. О молитве (<i>намаз</i>)	201
Внешний способ намаза	203
Поясные поклоны	205
Земные поклоны	207
Слова вероисповедания.	208
Выявление истины и духа намаза.	210
Выявление истины духа действий намаза.	213
Ритуальное очищение	214
Прикрывание срама	214
Обращение лицом к <i>кибле</i>	214
Стояние	215
Поясные и земные поклоны	216
Выявление истины чтения Корана и Богопомиинаний	217
Выявление исцеления сердца с целью его присутствия	219
Выявление основы собрания и его достоинства.	221
Этикет предстоятельства (<i>имамам</i>)	222
Выявление достоинства пятничного намаза.	224
Условия пятничного намаза.	225
Этикет пятничного намаза	227
Этикет пятницы	230
Вопрос	233
Основа пятая. Об отчислении в общину (<i>закат</i>)	235
Виды отчислений в общину и их обязательные условия.	235
Способ выдачи отчислений.	240
Выявление лиц, которым надо раздавать <i>закат</i>	241
Таинства выдачи <i>заката</i>	243
Правила и тонкости выдачи <i>заката</i>	245
Правила для поиска дарвишей	250
Правила для берущего <i>закат</i>	252
Достоинство раздачи садаки	255

Основа шестая. О посте (<i>руза</i>)	259
По поводу обязательных предписаний поста	261
Традиционные предписания поста	263
Истина таинства поста	263
Обязанности при нарушении поста	266
Основа седьмая. О паломничестве (<i>хаджж</i>)	271
Условия столпов хаджжа	273
Необходимые условия хаджжа	274
Столпы паломничества	275
Относительно запретов при хаджже	277
Способ паломничества	278
Способ малого паломничества	292
Прощальный обход	293
Посещение Города Посланника	293
Таинства и тонкости хаджжа	295
Назидания хаджжа	297
Основа восьмая. О чтении Корана	301
Чтение Корана беспечными	302
Этикет рецитации	303
Внутренние правила при рецитации	307
Основа девятая. О поминании Всевышнего (<i>зикр</i>)	313
Истина <i>зикра</i>	315
Достоинство <i>тахлила</i>	318
Тасбих и тахмид	319
Салават	321
Истигфар	322
Этикет призыва	323
Распространённые призывы	326
Основа десятая. О порядке <i>вирдов</i>	333
Въявление <i>вирдов</i> дня	335
Ночных <i>вирдов</i> — три	344

Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Основано в 1992 году

В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»

Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — научная и научно-популярная литература по востоковедению (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно в области традиционной культуры; издание переводов важнейших культурных памятников стран Востока.

Среди наград издательства:

- ◆ В 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богославского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

- ◆ Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).
- ◆ В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир».
- ◆ Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств («Коран Усмана»).
- ◆ В 2008 году издательство стало лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за научное издание поэмы «Маснави» великого персидского поэта Джалал ад-дина Руми. Полное издание (6 томов) этого памятника было отмечено лауреатским дипломом национальной Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) за 2010 год.
- ◆ В 2015 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России в номинации «Гуманитарные науки» стала двухтомная монография И. А. Алимова и М. Е. Кравцовой «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 частях».
- ◆ В 2017 года издательство вновь стало победителем национального конкурса «Книга года» за четырехтомное издание «Манга Хокуся: Энциклопедия японской жизни в картинках», подготовленное Е. С. Штейнером (в номинации «Искусство книгопечатания»). В этом же году издание стало лауреатом премии «Просветитель».

Ал-Газали Мухаммад Абу Хамид

КИМИЙА-ЙИ СА‘АДАТ

(Эликсир счастья)

Пер. с перс. А. А. Хисматулина

Научно-художественное издание

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *О. В. Шакиров*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Дизайн обложки — *Ирина Картвелишвили*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

Издательство **«Петербургское Востоковедение»**

✉ 198152, Россия, г. Санкт-Петербург, а/я № 2

✓ web-site: <http://pvost.org>

✓ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать с готового оригинал-макета 31.01.2018.

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Academy.

Печать офсетная. 22 печ. л. Тираж 2000 экз.

Заказ № Е-223

Филиал АО «ТАТМЕДИА»

«ПИК «Идел-Пресс»

420097, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Тел.: 8 (843) 519-44-71